

ЛЕКСИКА ПРЕДМЕТНОГО МИРА В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ НАРОДНОЙ ЛИРИЧЕСКОЙ ПЕСНЕ

Е.В. Гулянков

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики журналистской работы
e-mail: boxpostal@yandex.ru

Т.И. Гулянкова

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики журналистской работы
e-mail: bonpostal@yandex.ru

Курский государственный университет

Статья посвящена проблемам определения этнического своеобразия русской и французской народной песни.

Проблема этнического в языке в настоящее время одна из наиболее перспективных проблем лингвистики. Количество исследований в этом направлении за последнее десятилетие значительно возросло. Однако о специфике можно вести речь только в том случае, когда проводится сопоставление и устанавливаются различия. Контрастивных исследований такого рода сравнительно немного. Активно развивается контрастивное направление в лингвофольклористике. Общие черты европейских языков являются той основой, которая позволяет отечественной лингвофольклористике расширить сферу своей деятельности, центром которой является родной язык, и изучать с точки зрения последнего язык фольклора других этносов. Анализ частотности употребления лексем группы «Ментифакты» в русских и французских народных лирических песнях, особенностей сочетания их с другими словами подчеркивает схожесть или различие в предметном мире народно-поэтических традиций русских и французских.

Ключевые слова: язык фольклора, лексема, ментальность, языковая картина мира.

По утверждению исследователей, имена существительные имеют важное значение в процессе формирования фольклорной картины мира с его специфическим набором реалий и преобладают в устойчивых комплексах слов. Они «строят» и «оценивают» фольклорный мир [Хроленко 1979: 155].

Предметный мир русской песни постоянно находится в центре внимания фольклористов. Изучается как его система, так и отдельные ее элементы – лексемы или определенные тематические группы лексем [Гулянков, Гулянкова 2015а,б, 2017; Климас 1998; Моргунова 1996]. Мы обратим внимание на некоторые лексемы, которые подчеркивают схожесть или различие в предметном мире народно-поэтических традиций русских и

французов. Интересна в этом плане подгруппа существительных «Ментифакты».

В русской песне в составе первых ста частотных лексем три существительных входит в эту подгруппу: *душа* 74, *слеза* 52 и *горе* 50, во французской – два: *amour* ‘любовь’ 73 и *dieu* ‘бог’ 71. Как мы видим, сам состав лексем примечателен: в русской песне преобладают слова, называющие отрицательные эмоции, – *слеза* и *горе* (вместе 102 с/у), во французской – лексемы *amour* и *dieu*, имеющие почти равную частотность. Первыми в списках рассматриваемых лексем идут слова *душа* и *amour* ‘любовь’. Близость употребления русского слова *душа* к употреблению французами слова *sœur* ‘сердце’, обширность материала по данной теме, а также значительность этой лексемы для понимания русской ментальности требуют отдельного ее рассмотрения, поэтому в рамках нашего исследования мы не будем на ней останавливаться.

Другой высокочастотной лексемой этой подгруппы является *dieu* ‘бог’ (71). В русской песне она также высокочастотна (41 с/у), однако сопоставление лексического окружения русский лексемы *бог* и французской *dieu* позволяет увидеть, что различия функционирования их в песне касаются не только частотности.

Во французской народной песне лексема *dieu* сочетается со множеством глагольных лексем. Почти в половине примеров она выступает в качестве субъекта действия и употребляется с глаголами *donner* ‘давать’, *bénir* ‘благословлять’, *pardonner* ‘прощать’, *garder* ‘хранить’, *quitter* ‘покидать’, *assembler* ‘собирать’, *défendre* ‘запрещать’, *voir* ‘увидеть’. Таким образом, бог выступает активным деятелем в песне. Бог становится и объектом различных действий, состояний, сочетаясь с глаголами *prier dieu* ‘просить бога, молиться б.’, *aimer d.* ‘любить б.’, *adorer d.* ‘обожать б.’, *quitter d.* ‘оставить б.’ и т.д.

Чаще всего в сочетании с лексемой *dieu* встречается глагол *prier* ‘просить’. Просьбы весьма разнообразные: у бога просят ‘милосердия и пощады’ [Davenson 1955: 117], ‘чтобы быть невидимым’ [Moriz 1877: 53], ‘чтобы моя жена никогда не вышла из рая’ [Moriz 1877: 40] и др. Однако наиболее распространенным является устойчивый оборот *просить бога за кого-то* (обычно речь идет о влюбленных):

« <i>Je prierais Dieu pour mon amant</i> »	«‘Я попрошу Бога за моего любownika’»
	[Davenson 1955:17].

Очень часто лексема *dieu* выполняет лишь коммуникативную функцию, выступая в качестве эмоционального восклицания или в устойчивых оборотах «*Oh, mon Dieu!* ‘О, мой Бог!’» [Davenson 1955: 119]; «*Pour dieu, départez-vous*» ‘Ради бога, уезжайте’ [Moriz 1877: 33]; «*Dieu vous garde, ma mignonne*» ‘Бог вас хранит, моя милая’ [Moriz 1877: 28]; «*Grand Dieu! qu’elle est jolie!*» ‘Великий Бог! как она прекрасна!’ [Davenson

*Убей, убей законнава мужа.
Кабы знала, **Бога** ни малила,
Бога ни малила, друшка ни губила»* [Халанский 1904: 28].

В другой песне, наоборот, просят семейного счастья:

*«Ой дай мне, **Божя**, свекра багатага...*

*Ой дай мне, **Божя**, свекруху харошаю ...*

*Ой дай мне, **Божя**, Микалая харошага»* [Халанский 1904: 252].

Но просьбы, подобные описанным, в русской лирической песне редки. Обычно просьбы к богу касаются погоды или урожая и поэтому напоминают обращения к силам природы:

*«Сздай, **Божя**, сздай, **Божя**, што сильнава дожу»* [Халанский 1904: 58];

*«Сздай, **Божя**, яснава сонца на дваре»* [Халанский 1904:51];

*«Радуйся, радуйся, **Божя**, асвятися земля с народам»* [Халанский 1904: 85];

*«Заради, **Божя**, лен, лен»* [Халанский 1904: 87];

*«Ох, и дай, **Божя**, дай палаводдя!»* [Халанский 1904: 114];

*«Сздай, **Божя**, теплая лета на дваре ...*

*Сздай, **Божя**, люты марозы на дваре»* [Халанский 1904: 296] .

Подобные обращения к богу, вероятно, отражают характер верования русского народа в определенный исторический период перехода от язычества к христианству: в обращении к христианскому богу слышится языческое поклонение богу Солнца, богу Дождя и т.д. В этих песнях мы наблюдаем элементы заклинательных аграрных песен, имеющих обычно в своих традиционных образцах «более или менее определенный антропоморфный (или приближенный к нему) ведущий образ, к которому были обращены древние русские аграрные песни-заклинания. .. каждый раз имелось в виду определенное воздействие на тот или иной объект природы, каждый раз предъявлялись какие-то требования».

«Маты сыра земля,

Уроди нам хлеба...

Весна, весна красная,

Приди, весна, с радостью» [Колпакова 1962: 40].

Характерной особенностью таких песен (как и в наших примерах) являлось наличие императива, «идушего от глубокой древности, от периода борьбы человека за существование. Песня приказывает, требует» [Колпакова 1962: 41].

Как мы видим, бог, почти как и царь, в русской песне часто далек от обыденных, повседневных нужд человека, от его чувств, не участвует в жизни человека активно. Если во французской песне бог – в некотором роде покровитель влюбленных, то в русской песне он в большей мере повелевает стихиями (лишь один раз во французской песне бог

связывается с явлениями природы (погодой): «*Belle, Deus vous dont bon jour*» ‘Красавица, Бог вам дает хороший день’ [Davenson 1955: 41]. Подобное соотношение показывает «французского» бога более человечным, демократичным, а «русского» – более далеким. Вероятно, этим объясняется практически полное отсутствие эпитетов к лексеме *бог* в русской песне: всего один раз в исследованных текстах отмечено *святой бог*: «*Да мы Богу малили, да мы Богу святому*» [Халанский 1904: 324]. Крайне редко в русских песнях встречается и сочетание *мой (наш) бог (боже)*. Напротив, во французских песнях лексема *dieu* очень часто употребляется с местоимением *mon* ‘мой’, а также может иметь при себе и эпитеты: *grand* ‘великий’, *du ciel* ‘небесный’ и, что показательно, эпитет *bon* ‘добрый’.

Французская лексема *amour* ‘любовь’ (73), входящая в рассматриваемую подгруппу, также очень отличается от русского аналога и по количественным параметрам, и по функционально-семантическим показателям. В проанализированных русских песнях лексема *любовь* употребляется всего 16 раз. На первый взгляд такая невысокая частотность может показаться неестественной для лирической песни, основной тематикой которой является именно описание любовных переживаний. Русская песня может обходиться без прямого названия слова *любовь*, так как для ее обозначения существует целая система образов и символов, пронизывающих каждую строку русской лирической песни (мы уже отмечали, что самые важные, ключевые события, чувства, переживания (смерть, горе, любовь и др.) в русской песне чаще других называются или описываются опосредованно).

Рассмотрим те относительно немногочисленные тексты, в которых употребляется лексема *любовь*.

Учитывая контекстное окружение и оттенки коннотативного значения, большинство случаев использования лексемы можно разделить на несколько групп, включающих 2-3 примера:

1) лексема *любовь* – метонимическое название любимого:

«*Ляжить **любов** на правой ручьки:*

Я баюся разбудити» [Халанский 1904: 368];

2) лексема *любовь* выступает как антагонист чему-либо материальному в нескольких однотипных текстах:

«*Мне ня дораги подарки, дарага яво **любов***» [Халанский 1904: 74];

«*Мне ни жыть, мой батюшка, мне з багацтвам,*

*Ни с шырокамі падворымі, с **любовью***

Ни с высокамі харомамі, с чалэкам» [Халанский 1904: 293];

3) лексема *любовь* употребляется в песнях, напоминающих жанр городской песни «жестокий романс», основой которого служит повествование о необычных перипетиях судьбы героя, о несчастной любви с почти обязательным трагическим концом (в сборнике

М.Г. Халанского нами обнаружено несколько таких песен). В этих песнях нет присущих народной лирической песне образов, символики, она значительно беднее с точки зрения поэтической:

*«Ни паверял атес сыну,
Што на светя есть **любов**:
Ну, на светя **любов** разна,
Можна кажную любить»* [Халанский 1904: 351]

(песня заканчивается тем, что сын зарезает себя саблей).

То же и в другой песне [Халанский 1904: 379]. Любовь в этих песнях, как и в большинстве других примеров, воспринимается как несчастье:

*«Щястливая ды та дивченка,
Што **любови** ни знала»* [Халанский 1904: 348].

Приверженность к образному, символичному описанию чувств, эмоций в русской песне делает контексты, где любовь описывается иначе, неестественными, чужеродными, отчасти даже пошлыми в эстетическом смысле слова:

*«Ой ни дуйтя, буйнай ветры, сы гары,
Ой ни свалитя чернай шляпы з галавы.
Черная шляпачька с павлиным сы пярком;
Раздымалася павлиная пяро. ..*

*Ой ты любитель, ты любитель дарагой!
Ни пачюствавал любови ни какой,
Какава любов на свети хараша,
Саздана любов, слизою смачина»* [Халанский 1904: 314].

Как мы видим, первая и вторая строфы разительно отличаются с точки зрения поэтичности. Даже сами лексемы во второй строфе не совсем обычные – лексема *любител* зафиксирована только в этой песне.

Остальные примеры с употреблением лексемы *любовь* не добавляют к уже сказанному ничего нового.

Исследование позволяет предположить, что если бы мы хотели проанализировать кластер «любовь» в русской лирической песне, то в последнюю очередь нужно было бы брать саму лексему *любовь*, так как она совершенно не отражает то истинное глубокое чувство, описание которого мы обычно встречаем в русском песенном фольклоре.

Во французской народной песне функционально-семантическое описание лексемы *amour* ‘любовь’ могло бы стать темой для отдельного многоаспектного анализа, об этом свидетельствует как ее частотность, так и возможности ее сочетаемости с другими лексемами. Мы отметим лишь основные, наиболее явные моменты.

Лексема *amour* создает целый ряд номинативных метафорических выражений: *«jardin d’amour* ‘сад любви’; *soupir d’amour* ‘вздых любви’; *mal*

d'amour 'болезнь, несчастье любви'; *flambeau d'amour* 'факел любви'; *jolies fleurs d'amour* 'милые цветы любви'; *les fleurs d'amour parfait* 'цветы любви чудесной'; *danger d'amour* 'опасность любви'» [Davenson 1955]. Даже салфетка сложена складкой любви: «*Aussi ma jolie serviette, qui est pli?e au pli d'amour*» 'Также мою красивую салфетку, которая сложена складкой любви' [Davenson 1955: 44].

Из глагольных лексем наибольшее притяжение существительное *amour* обнаруживает со словом *mourir* 'умереть': *mourir pour d'amour* 'умереть за любовь (из-за, от любви)'. То же выражение страдания, несчастья от любви мы находим и в примерах с другими лексемами:

« <i>Languiray je tousjours</i>	Чахну я всегда от любви к одной
<i>pour l'amour d'une dame</i>	даме» [Moriz 1877: 92].
« <i>Pour l'amour d'une dame</i>	Из-за любви к одной даме
<i>je suis pres du trespas</i>	я почти при смерти»
	[Moriz 1877: 57].

Любовь и страдание сопутствуют друг другу, как и в русской лирической песне, однако во французской, несмотря на страдания, она всячески прославляется: «*Vive l'amour!*» [Moriz 1877: 10] 'Да здравствует любовь!'; слова «*tout par amour*» [Moriz 1877: 45] 'все из-за любви' являются рефреном в одной из песен. Во многих песнях любовь – это «приз» за победу кавалера, однако и этот мотив французами пародируется:

«*Если он победит,*
Получит мою любовь.
Победит ли, проиграет ли, –
Все равно ее получит!» [Тьерсо 1975: 46].

Таким образом, довольно часто мы можем наблюдать, что во французских песнях слово *любовь* не выражает глубокого чувства. Об этом свидетельствуют контексты:

«... <i>et t'en va dire à ma tye</i>	'...и ты лети сказать моей милой,
<i>que son amour fort m'agrée</i>	что ее любовь очень мне нравится»
	[Moriz 1877: 22].
« <i>L'amour me berce</i>	'Любовь меня укачивает,
<i>et je ne puis sommeiller</i>	и я не могу уснуть»
	[Davenson 1955: 79].

Наличие таких песен во французском песенном наследии отмечает и Жюльен Тьерсо: «...В средневековых текстах... нет ни одного стихотворения, выражающего хоть сколько-нибудь тонкие чувства. .. Несмотря на попадающееся там слово *любовь*, не может быть никакого разговора о чувстве с этим названием!» [Тьерсо 1975: 61]. По утверждению Тьерсо, лишь сельские пастушеские песни в большей мере изображают чистую истинную любовь. Чувственные песни, характерные для этого и других периодов, довольно часто используют слово *amour*

Климас И.С. Абстрактные существительные в северных песнях // Фольклорная лексикография. Вып. 10. Курск, 1998. С. 24–30.

Колтакова Н.П. Русская народная бытовая песня. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 284 с.

Моргунова Н.И. Лексика народной лирической песни Курской области: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Орел, 1996. 233 с.

Тьерсо Жюльен История народной песни во Франции. М.: Современный композитор, 1975. 461 с.

Халанский М.Г. Народные говоры Курской губернии. СПб., 1904. 382 с.

Хроленко А.Т. Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор. Т. 19. Л.: Наука, 1979. С. 147–156.

Davenson Henri. Le livre des chansons. Paris, 1955. 588 p.

Moriz Haupt. Französische Volkslieder. Zusammen gestellt von Moriz Haupt und aus seinem Nachlass hrsg. Leipzig, 1877. 177 s.